

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-33-48

ФАКТОР ВНЕШНЕГО АВТОРИТЕТА ДЛЯ «МАЛЫХ» ГОСУДАРСТВ И ИНТЕГРАЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Г.В. Рцхиладзе

Тбилисский открытый университет, Тбилиси, Грузия

Поиск внешнеполитических ориентиров для новых независимых государств, возникших вследствие распада СССР, тесно связан с признанием с их стороны определенных норм и ценностей, а также принятием определенных поведенческих установок. Новые геополитические условия существенно повлияли на их стратегические ориентиры в отношении отдельных стран и институтов, которые стали своего рода авторитетами в определении многих как внешнеполитических, так и внутренних процессов постсоветских республик.

В данной статье рассмотрены основные проявления фактора внешнего авторитета применительно к «переходным» постсоветским государствам в контексте интеграционных инициатив России. Автор полагает, что РФ, активно продвигая интеграционные проекты на постсоветском пространстве, сталкивается с рядом преград, обусловленных, в первую очередь, относительной слабостью экономического потенциала России по сравнению с совокупным Западом (США и ЕС) и КНР. Лидирующее положение России, по мнению автора, также подрывается и отсутствием ценностной системы и идеологической привлекательности, что в итоге препятствует укреплению ее имиджа в регионе.

Вследствие этого интеграционные процессы, которые активно продвигает Россия (СНГ, ОДКБ, ЕЭС), не лишены изъянов. Отсутствует прочная идеологическая основа для сплоченности и солидарности между государствами-членами, которые по-прежнему предпочитают свои собственные национальные интересы единой парадигме партнерства. Автор также полагает, что помимо сложности с формулировкой ценностных ориентиров, привлекательных для своих ближайших соседей, России до сих пор не удается обосновать наличие общего внешнего противника или общих вызовов, без чего прочность альянсов и союзов под ее лидерством становится сложно достижимой.

Ключевые слова: имидж, авторитет, евразийская интеграция, постсоветское пространство, СНГ, ценности, идеология, альянсы, солидарность между государствами, лидерство, Россия, Запад

ИСХОДНЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Термин «авторитет» в данной работе употребляется в его прямом (латинском) семантическом значении — «власть», «влияние». Вместе с тем учитывается и более нюансированное значение: «влияние» подразумевает под собой «действие, оказываемое кем-нибудь на кого-нибудь, *воздействие*» (курсив наш. — прим. авт.), в то время как «авторитет» связан с уважением со стороны конкретного субъекта (личности, института или — в нашем случае — того или иного государства) без осуществления им прямого воздействия; «авторитет» неразрывен с термином «престиж»¹. Именно поэтому нами осознанно делается выбор в пользу термина «авторитет», который в международно-политической науке используется заметно реже, чем его синоним «влияние», ставший ключевым понятием в результате расцвета школы реализма.

¹ Die Autorität. Duden. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Autoritaet> (accessed: 13.04.2017).

Применительно к сфере международных отношений «авторитет» рассматривается в контексте иерархически выстроенных отношений между различными типами государств — субъектов международного права в условиях традиционно «анархичного мира государств» [Lake 2004]. В нашем случае «авторитет» транслируется на отдельное государство, группу государств или международные организации, выступающие в роли своеобразного ориентира, к которому обращена существенная часть внешнеполитической деятельности постсоветских государств.

Современная международная система, по-прежнему представляющая собой «мир национальных государств», определяется взаимодействием между странами с различными природными, военно-политическими, экономическими, демографическими, культурными, идеологическими и другими показателями. Именно потенциал и комплексная ресурсная база государства определяют в дальнейшем уровень его мощи и возможности (или пределы) влияния на другие государства и даже саму систему². Очевидно, что государства с большим весом, мощью и влиянием в мире всегда ведут наступательную и отчасти агрессивную внешнюю политику (см. «Номос Земли» К. Шмитта и всю «школу реализма»), преследуя цель еще больше расширить масштабы своего влияния и максимизировать политико-экономическую выгоду для себя. Такие государства, как правило, образуют (возглавляют) союзы, альянсы и ad hoc коалиции. Чем больше сила государства-лидера, тем масштабнее его интересы в своем географическом ареале и в других частях планеты. Такие государства условно, без претензии на научную терминологию, называют «большими», а те государства, которые вынуждены проводить менее активную, по сути сохраняющую внешнюю политику и подвержены влиянию первых, соответственно называются «малыми»³.

Естественно, что данное определение и деление государств является идеальным-типическим. В реальности же наблюдается градация и среди собственно «больших» и «малых» государств с учетом их внешнеполитического поведения. Сотрудничество и конфликты также имеют место не только (и не столько) по линии «большие государства» — «малые государства», но также и «большое государство» — «большое государство», «малое государство» — «малое государство». Однако условное деление государств на «большие» и «малые» с учетом различных особенностей их внешней политики необходимо для анализа сложной эмпирики международных отношений.

«МАЛЫЕ» ГОСУДАРСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Постсоветские республики, за исключением России, по большей части играли и играют роль «малых» государств, испытывая на себе влияние бывшего союзного центра — Москвы, но вместе с тем попадая (в большей или меньшей степени)

² См. теорию мир-системы Валлерштайна [Wallerstein 1986: 520] с учётом критики его теории, которая, согласно этой критике, недостаточно внимания уделяет культурным факторам, символической власти, а также возможностям национальных государств [Heinze 2009: 78—88].

³ Такое типологическое деление государств (на «сильных» и «слабых») свое начало берет еще с античных времен. Ср.: Фукидид устами афинян в «Мелосском диалоге» говорит: «Сильные делают то, что могут, а слабые страдают, как должны» (Фукидид. История Пелопоннесской войны, V 89 (Θουκυδίδης, Ἱστορία)).

под определенное влияние западных держав, в первую очередь — США. На постсоветском пространстве свое влияние постепенно также усилили Китай и Турция, отчасти Иран и Саудовская Аравия и т.д. Постсоветское пространство превратилось в объект международных отношений, призванный обслуживать интересы более сильных внешних игроков. Россия также, несмотря на ослабление по многим параметрам, продолжала оказывать серьезное влияние на процессы в соседних постсоветских странах, а также сохранила за собой статус ядерной державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН с правом вето.

Факт создания в 1991 г. Содружества Независимых Государств (СНГ) Украиной и Белоруссией на равных правах с Россией указывает на некоторую привилегированность этих двух республик по сравнению с другими, которые присоединились к СНГ, однако это не сделало из них «большие» государства. Обе страны отказались от статуса ядерных держав и де-факто согласились с положением стран с переходной политико-экономической системой, обратившись за поддержкой в международные финансовые институты — МВФ⁴, МБРР и др. То же самое касается и Казахстана. Экономическое положение России в 1990-е гг. было не менее тяжелым, зависимость от международных финансовых институтов также существенной, хотя российская внешняя политика по отношению к соседям — бывшим союзным республикам — была активно-наступательной. Россия приняла участие в урегулировании конфликтов на территории Грузии и в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Таджикистане, а также была вовлечена в спор с Украиной относительно статуса Черноморского флота в Севастополе. Несмотря на сокращение экономического потенциала, Россия предпринимала попытки влиять и на развитие балканских конфликтов (Босния, Косово).

В лексиконе российских лидеров и официальных документах после краха СССР достаточно активно использовалось словосочетание «великая держава» применительно к роли России в мировой политике⁵. В «Концепции внешней политики» от 2008 г. термин «великая держава» не упоминается⁶, но он вовсе не исчезает из уст российских лидеров (по сей день)⁷, а сама внешняя политика примерно с середины 2000-х гг. постепенно становится все более независимой от Запада, что нередко вызывает недовольство Запада и порождает дипломатическую конфронтацию между ним и Россией.

⁴ См.: История взаимоотношений Украины с Международным валютным фондом (30 июля 2015 г.). URL: <http://tass.ru/info/2153697> (дата обращения: 13.05.2017); Плюсы и минусы сотрудничества МВФ и Беларуси (8 февраля 2010 г.). URL: <http://www.dw.com/ru/плюсы-и-минусы-сотрудничества-мвф-и-беларуси/a-5227217> (дата обращения: 13.05.2017).

⁵ Роль России как «великой державы» в «новом мировом порядке» напрямую записана в «Основных положениях концепции внешней политики Российской Федерации» за подписью Б. Ельцина от 23 апреля 1993 г. О «воздействии» Россией «на общемировые процессы» говорится и в «Концепции внешней политики Российской Федерации», подписанной в июле 2000 года Вл. Путиным и т.д.

⁶ Конец величия. Россия больше не «великая держава» (15 июля 2008 г.). URL: https://www.gazeta.ru/politics/2008/07/15_a_2783172.shtml?updated (дата обращения: 13.05.2017).

⁷ Путин рассказал школьникам, как Россия стала великой державой (1 сентября 2017 г.). URL: <https://riafan.ru/947418-putin-rasskazal-shkolnikam-kak-rossiya-stala-velikoi-derzhavoi> (дата обращения: 13.05.2017).

Более активной стала политика России в отношении стран СНГ: запущены интеграционные проекты, в том числе Евразийский экономический союз (ЕАЭС). То есть, исходя из указанных фактов, Россия по отношению ко всем бывшим союзным республикам находится в положении «большого» государства, после спада 1990-х гг. вновь достигнув равного уровня активности (наступательности) своей внешней политики наряду с другими «большими» государствами благодаря консолидации власти и общества вокруг нового лидера нации и росту экономики.

Абсолютно все «большие» и «малые» государства, которые считают себя суверенными, своим высшим приоритетом ставят сохранение этой самой независимости и привержены ей как высшей ценности (естественно, в мире есть и такие страны/народы, которые осознанно отказываются от суверенной государственности). Как известно, суверенитет подразумевает независимость принятия решений руководством того или иного государства, сохранение территориального единства, обеспечения физической безопасности и т.д. Этот минимальный набор ценностей и приоритетов универсален для любого типа государств. Однако с учетом различий между «большими» и «малыми» государствами, тем более на примере постсоветского пространства, вырисовываются определенные специфические моменты, если не сказать, закономерности.

Алма-Атинская декларация о создании СНГ от 21 декабря 1991 г. подчеркивает неприкосновенность суверенитета. Этот принцип заложен и в самом названии Содружества *Независимых* Государств. Вместе с тем в Декларации помимо прочего несколько раз подчеркивается и *принцип равноправия* всех государств-учредителей и членов новой организации⁸. Бывшие советские республики, уже в процессе упадка союзного центра подчеркивающие свою самостоятельность и еще в 1990—1991 гг., то есть до распада СССР, объявившие о своем «государственном суверенитете» (в их числе и Россия), всецело ориентировались на предотвращение возникновения наднациональной структуры, которой они уступили хотя бы часть своих политических полномочий. В действительности это преимущественно касалось бывшего советского центра — Москвы, в других же случаях не наблюдалось столь яркой приверженности буквальному пониманию принципа суверенитета и равноправия. Прибалтийские республики изначально не захотели вступать в СНГ и избрали совершенно иной вектор внешней стратегии; на первых порах примеру Прибалтики последовала и Грузия, хотя в 1994 г. все-таки присоединилась к СНГ. Иные же постсоветские республики проявили большее или меньшее стремление к участию в новом межгосударственном объединении, но своим поведением все они акцентировали обретенный недавно суверенитет. Некоторые из бывших союзных республик вели себя подчеркнуто независимо. Так, Украина и Туркменистан отказались подписывать Устав СНГ в 1993 г.⁹, тем

⁸ Алма-Атинская Декларация. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/-/asset_publisher/r17Fzr0mbE6x/content/id/608928 (дата обращения: 13.05.2017).

⁹ О Содружестве Независимых Государств. Официальный сайт Исполкома СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/page.php?id=174> (дата обращения: 13.05.2017).

самым не оформив юридически свое членство в союзе, зато используя его в своих интересах, оставаясь участниками Содружества. Более того, в политике независимой Украины уже в самом начале проявилось недоверие к России и латентное стремление интегрироваться в НАТО [Курылёв 2014: 190—193].

После распада СССР нишу союзного центра могла теоретически занять лишь Российская Федерация. Она была признана большинством государств мира продолжателем СССР и получила место постоянного члена в Совете Безопасности ООН. Этот факт уже сделал Россию потенциальным лидером, неким продолжением советского центра, перед которым «малым» государствам с самого начала мнимо или реально необходимо было отстаивать свой суверенитет и равноправное положение. Это одна из причин, по которой в спорных вопросах бывшие советские республики часто подчеркивали (и продолжают подчеркивать) собственную независимость и равноправие по отношению к России — как правило, это имеет место во внутривосточной риторике отдельно взятых республик (на уровне речей их политических лидеров, официальных документов и т.д.), а иногда и на уровне заявлений, прямо адресованных российскому руководству. В первую очередь, это касается тех постсоветских государств, которые имеют очевидные разногласия с Москвой, как, например, прибалтийские республики, Украина, Молдова и Грузия, но нередко и официальных союзников России в рамках ОДКБ и ЕАЭС¹⁰.

КАК ВОЗНИКАЕТ ВНЕШНИЙ АВТОРИТЕТ ДЛЯ «МАЛЫХ» ГОСУДАРСТВ

Вопрос *добровольности/вынужденности* в принятии политических решений — стратегических и тактических — является ключевым вопросом реализации суверенитета того или иного государства. Вместе с тем он тесно связан с феноменом внешнего авторитета для актора международной политики — в основном для «малых» государств. Если «малые» государства в той или иной форме (например, вступление в какую-либо коалицию, альянс, союз и т.д.) примыкают к политической орбите «большого» государства на добровольной основе (т.е. без диктата со стороны этого «большого» государства, оценив собственные цели, интересы и задачи, приняв суверенное решение), ориентируясь на него в долгосрочной перспективе, можно судить о наличии авторитета для этого «малого» государства в лице конкретного «большого» государства¹¹. Для постсоветского пространства данное утверждение актуально в контексте следующих гипотез.

Первая. Постсоветские страны особенно сильно тяготеют к внешнему авторитету, поскольку находились в многолетней зависимости от центра, а независи-

¹⁰ А. Лукашенко: Тот путь, который нам предложен Россией, — для нас неприемлем. URL: <http://www.newsby.org/news/2008/04/26/text7437.htm> (дата обращения: 13.05.2017).

¹¹ В роли ценностного авторитета также могут выступать международные организации как таковые (например, ЕС или НАТО), однако за ними решающим фактором все же является государство-лидер (или государства-лидеры), который и делает ту или иную организацию авторитетной для «малых» государств.

мость они получили относительно неожиданно и быстро вследствие «перестройки» конца 1980-х гг. Общественность этих стран оказалась ментально неготовой к построению независимой государственности без особого учета фактора внешнего авторитета.

Вторая. Постсоветские элиты стремятся к внешнеполитическому авторитету по ряду объективных причин — главным образом вследствие желания обеспечить безопасность, стабильность и устойчивое развитие своих стран.

Третья. Постсоветские страны, что присуще большинству «малых» государств в целом, склонны ориентироваться и признавать авторитет там, где есть сила (*мощь*). Однако саму силу не стоит отождествлять только с материальной составляющей (военная мощь, уровень экономики и т.д.); государственная мощь также состоит из нематериальных, ценностных компонентов. Это последнее обстоятельство особенно важно для постсоветских стран, которые в течение нескольких десятилетий ориентировались на коммунистическую идеологию, а после краха этой идеологии подверглись влиянию националистических представлений и эмоций.

Четвертая. Националистические настроения по отношению к бывшему центру сыграли более или менее значимую роль в формировании внешнеполитических ориентиров постсоветских стран. При этом формирование этих ориентиров происходило отнюдь не без внешнего влияния.

Пятая. Постсоветские «малые» государства можно условно разделить на две группы по своему отношению к России: первая группа нацелена на сотрудничество с Россией, а вторая — избрала фактически конфронтационный курс по отношению к Москве. При этом РФ не является безусловным внешним авторитетом как для первой, так и для второй группы упомянутых государств. В ценностном отношении даже экономически и политически окрепшая Россия долгое время ничего не могла предложить соседям, которые стратегически в большей степени добровольно ориентируются на Запад, сотрудничая с Россией исключительно исходя из своих текущих интересов.

Верификация этих гипотез представляется возможной путем эмпирического анализа, под которым подразумевается не просто констатация отдельных фактов и их интерпретация на основании критического обзора источников и литературы, а «подтверждение общих предложений на отдельных примерах» [Nohlen 2003: 87—88].

Особо значим фактор авторитета в контексте исследования современных межгосударственных союзов и альянсов. Интеграционные процессы, инициированные Россией на постсоветском пространстве, напрямую связаны с этой темой. Интеграция проходит отнюдь не гладко, и ее перспективы, как представляется, туманны. Для иллюстрации проблемы достаточно назвать такие принципиально важные факты, как неучастие стран ЕАЭС в контрсанкциях против западных стран, в то время как внутри ЕС есть консолидированное решение по антироссийским санкциям — и это несмотря на то, что некоторым отдельным странам — членам ЕС экономически очень невыгодно быть с Россией в режиме санкций. Между ЕС и США, в свою очередь, как партнерами по НАТО, тоже есть консенсус

относительно санкций против России. О такой солидарности внутри ЕАЭС и ОДКБ говорить не приходится. Более того, Россия не провела консультации со своими партнерами в рамках региональных интеграционных объединений, когда вводила контрсанкции против ЕС, США и других западных государств. Партнеры России не стали участвовать в контрсанкциях — солидарность с Россией для них оказалась менее значимым фактором, чем отношения с Западом. Более того, с их стороны не последовало не только каких-либо действий, но и заявлений с осуждением введенных против РФ санкций. Союзники России как минимум не стали пресекать активность частного сектора, нацеленную на оформление санкционной европейской продукции в качестве продукции местного производства для ее дальнейшей контрабандной реализации в России.

Кроме того, возникновение каких-либо проблем и споров между государствами — членами ЕАЭС и ОДКБ чревато значительными осложнениями, а институты этих организаций не имеют ни обязательств, ни реальных рычагов благоприятного и эффективного воздействия на такие кризисные ситуации.

На практике, как уже было отмечено выше, наличие внешнего авторитета означает, что «малые» государства видят его в качестве своего добровольного выбора — ориентира. Но они порой сами себе создают *видимость* добровольности, не замечая косвенного принуждения (в этом контексте становится актуальным понятие «мягкой силы», применяемой США и Европой на постсоветском пространстве).

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ АЛЬЯНСОВ

Шмиттовское разделение «политического» на «друзей» и «врагов», проявляющееся в политических действиях и мотивах [Schmitt 1963: 26—28], может в сфере внешней и международной политики означать объединение субъектов международных отношений, которые воспринимают себя условными «друзьями» против своих «врагов». Иными словами, речь идет о кооперативно-солидарном поведении политических акторов, с одной стороны, и о конкурентно-враждебном — с другой; между ними просматривается индифферентная ориентация акторов [von Prittwitz 1994: 22—23]. Системы альянсов представляют собой важный комплекс, в рамках которого происходят действия международной политики [Krippendorf 1973: 211]. Этот комплекс с аналитической точки зрения настолько важен, что анализ внешнеполитических вопросов может трансформироваться в *анализ альянсов* [Krippendorf 1973: 211].

Создание межгосударственных альянсов происходит всегда на основе осознания партнерами собственной зависимости друг от друга [Wolf 2001: 30], которая обусловлена наличием совместных, конкретных и негативных интересов в смысле необходимости нейтрализовать общую внешнюю угрозу (или же решить какую-либо схожую общую задачу). По словам Г. Киссинджера, «в природе альянса как такового заложено, что он направлен *против* чего-либо» [Wolf 2001: 30]. По логике политического реализма, когда угроза устранена, «судьба альянса тоже решена, так как сотрудничество внутри альянса больше не способствует укреп-

лению безопасности его членов, а означает ненужное ограничение их свободы действий» [Wolf 2001: 32].

Ряд исторических и современных фактов свидетельствуют, что общий знаменатель «против» становился недостаточным для альянса, и тогда альянс нуждался в конструктивном, позитивном обосновании своего существования [Duchhardt 2000: 75]. Государства — члены западных альянсов и союзов — военно-политического блока НАТО и политико-экономического Европейского союза вновь и вновь подчеркивают общность ценностей, хотя это не отменяет значение знаменателя «анти-»; даже такие ценностно ориентированные альянсы и союзы не до конца обходятся без обращения к «образу общего врага». ЕС, который является пока что единственным в своем роде примером успешного большого долгосрочного интеграционного проекта, тоже был создан в годы холодной войны в условиях и с учетом резкого противостояния с восточным блоком [Woyke 2000: 90]. Еще более наглядным примером совпадения ценностной составляющей альянса с «образом врага» может служить коалиция монархических держав Европы против революционной Франции в конце XVIII в. Коалиция (которая является основой для трансформации в альянс — а указанная монархическая коалиция оказалась достаточно долгосрочной) была создана ввиду внешней угрозы, но вместе с тем она основывалась на принципе ценностной противоположности противника ценностной идентичности союзников.

С учетом всего этого принцип ценностного (т.е. основанного на единстве ценностных представлений) союза или альянса состоит в том, что партнерство, даже если оно направлено против чего-либо и на начальном этапе не преследует позитивные цели, не может возникнуть без общности представлений о ценностях, без общей идеологической ориентации.

Степень солидарности и сплоченности в разных союзах и альянсах бывает разной, что видно при сравнении Организации Варшавского договора (ОВД) под лидерством Советского Союза и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) под лидерством современной Российской Федерации. Почему «социалистический лагерь» был солидарен в вопросе бойкота летних Олимпийских игр 1984 г. в Лос-Анджелесе в ответ на бойкот Западом Московской Олимпиады в 1980 г., а сегодня даже невообразимо, чтобы союзники России по ОДКБ устроили бойкот Зимней олимпиады 2018 г. в южнокорейском Пхенчхане из-за отстранения России от участия в ней?

Возможны опять не взаимоисключающие, а восполняющие друг друга гипотезы:

- военное, политическое и экономическое могущество СССР было более значимым, чем влияние России на мировой арене;
- социалистические страны имели общую идеологию и ценностную систему;
- СССР сильнее контролировал своих союзников, а Россия не оказывает давление и оставляет возможность свободного выбора.

Первая и последняя гипотезы естественным образом коррелируют друг с другом, хотя и вторая также может соотноситься с обеими другими гипотезами. Вторая гипотеза больше подчеркивает добровольность принятия политического

решения «малыми» государствами, а две остальные — наличие принуждения при принятии решений в отношениях между «большими» и «малыми» государствами. В свете же интересующего нас вопроса о наличии фактора внешнего авторитета можно предварительно утверждать, что авторитет возникает в условиях лидерства «большого» государства в *составе союза или альянса*, притом что оно опирается на свою политико-экономическую мощь и ценностно-идеологическую привлекательность.

Однако еще одна гипотеза гласит, что для такого лидерства и возникновения фактора авторитета необязательно *предварительное наличие формального, институционально оформленного* альянса или союза. Эмпирически это видно на примере стран постсоветского пространства: когда национальные интересы бывших республик СССР приходят в противоречие с партнерскими обязательствами, подтверждается изначально известное свойство альянсов и союзов, в которых государства — члены ощущают постоянную конкуренцию и недоверие друг к другу.

Еще в 1405 г. Жан Пети аргументировал, что «обещания» и «союзы» между рыцарями не должны быть соблюдены, если их соблюдение может навредить государю и общественной жизни; это было бы даже против естественных и божественных законов [Meinecke 1929: 35]. Б. Спиноза также писал, что «каждое государство имеет полное право нарушить союз по своему усмотрению, и государство нельзя будет обвинить в коварстве или неверности»¹². Н. Макиавелли пошел еще дальше, указывая на то, что помощи от партнера по союзу можно ожидать лишь в том случае, если ему это выгодно (ср. немецко-австрийские союзнические отношения в XIX—XX вв.) [Angelow 2000: 472], но от союзника исходит и потенциальная угроза¹³. Это касается как военной опасности, так и навязывания мировоззрения и ценностных представлений «больших» государств «малым» [ср. Krippendorf 1973: 211]. Ценность союзов и альянсов уменьшается еще сильнее, когда вспоминают знаменитую формулу британского премьер-министра XIX в., лорда Палмерстона о «вечных интересах», которой следует Англия: «ни вечных друзей, ни вечных врагов». Поэтому государства вступают (или: *должны бы вступать*) в те коалиции, от которых они ожидают наибольшей выгоды [Deutsch 1968: 196], а внутри этих коалиций своим партнерам оказывают помощь только по расчету, с самого начала не ожидая благодарности от них за возможно оказанную им безвозмездную помощь [Киссинджер 1997: 163—164]. По А. Гамильтону, безвозмездно оказываемая помощь вместо благодарности может вызвать враждебность по отношению к благодетелю [Herz 1974: 179].

Но, с другой стороны, не должно возникнуть впечатление, что союзы и альянсы представляют собой фикцию, что внутри них происходят в основном только латентные противостояния, обман и т.п. Уже одни только формальные, декларированные и юридически оформленные обязательства толкают государства на соответствующие действия [Herz 1974: 170]. Теоретическое направление «утилитарно-рационалистического институционализма» исходит из того, что государства

¹² Baruch de Spinoza: Tractatus politicus, III, § 14 (цит. по: [Meinecke 1929: 263]).

¹³ Nicollo Machiavelli: Il Principe, cap. XIII.

в принципе в состоянии выстраивать сотрудничество «в рамках не-иерархического и не-гегемонистского порядка, разрешить дилемму безопасности и преодолеть недоверие друг к другу путем институционализации своих отношений» [Krell 2000: 140].

Исходя из всего сказанного, теоретически в одном союзе могут *доминировать недоверие и соперничество*, другие же альянсы могут быть более *стабильными и ориентированными на позитивные цели*, включая позитивное восприятие лидера-авторитета. Предпосылкой для лучшего качества того или иного альянса/союза традиционно считается высокий уровень интегрированности государств [Krippendorf 1973: 211], под которой понимается не только близость экономических интересов, но и идентичность или близость ценностных взглядов различных акторов¹⁴. Однако возникновение таких крепких союзов и альянсов, основанных на единой ценностной ориентации вкупе с высокой степенью политико-экономической интегрированности, может привести к «ценностному антагонизму» с внешним миром [Seifert 1996: 243—250]. Но возможен и селективный подход, в рамках которого стороны используют свои ценностные ориентиры в качестве политического (идеологического) оружия, скрывая истинные мотивы такого поведения. Когда «демократический мир» хотел свергнуть С. Хусейна или М. Кадаффи, их объявляли «диктаторами», с которыми невозможно иметь равные отношения и вести дела, а с другими, «дружественными» авторитарными режимами Саудовской Аравии или Катара поддерживали тесные союзнические отношения, нередко посредством «теневой дипломатии», без лишнего шума и с применением тайных сговоров. «Выгодные условия для обеих сторон обговариваются заранее и не требуют идеологического обоснования» [Hütter 1976: 63].

Используя перечисленные выше соображения в контексте исследуемого нами вопроса, можно вывести еще ряд гипотез применительно к эмпирике постсоветского пространства.

Внутренние противоречия и конкуренция между странами — членами ЕС и НАТО еще не вылились в реальные действия и конфликты, и страны — лидеры этих союзов, как и сами эти институты, обладают силой авторитета и служат ориентиром для постсоветских стран.

В СНГ, ОДКБ и ЕЭС, наоборот, более остро вырисовывается конкуренция и соперничество между участниками организаций. Это обстоятельство повышает привлекательность Запада с его институтами для отдельных постсоветских стран. Речь необязательно должна идти, допустим, о стремлении «променять» членство в ОДКБ на членство в НАТО, но о том, что между НАТО и отдельными членами ОДКБ могут существовать точки соприкосновения, которые выразались бы в практическом сотрудничестве¹⁵. Аналогичное сотрудничество вряд ли возможно между

¹⁴ На примере ЕС см. многочисленные исследования по европейской интеграции (напр., в: [Woyke 2000: 90—104, 113—125]).

¹⁵ Казахстан расширяет сотрудничество с США и НАТО» (2 февр. 2015 г.). URL: <http://vestikavkaza.ru/analytcs/Kazakhstan-rasshiryet-sotrudnichestvo-s-SSHA-i-NATO.html> (дата обращения: 13.05.2017); Armenia-NATO: 10 years of progress» (2008 г.). URL: <http://www.mediamax.am/en/armenia-nato/> (дата обращения: 13.05.2017).

ОДКБ и каким-либо государством — членом НАТО (включая Турцию, которая больше других дистанцируется от Брюсселя в рамках североатлантической организации).

НАТО и ЕС имеют ценностный характер — наряду с негативными целями и задачами, воспринимая определенных конкурентов как угрозу, государства-члены проявляют близость ценностей и декларируют позитивные цели; уровень доверия между ними относительно высокий по сравнению с аналогичными организациями на пространстве бывшего Советского Союза.

Для стран — участниц интеграционных проектов (в т.ч. ЕАЭС) ни сами эти проекты, ни Россия в качестве лидера не являются абсолютным внешним авторитетом. Они «смотрят» и в сторону западных стран и объединений, углубляя сотрудничество с ними, признавая их (ценностным) авторитетом.

Отчасти уже на данном этапе исследования возможна верификация некоторых положений представленных выше гипотез (особенно в смысле имеющегося недоверия и не всегда здоровой конкуренции между участниками ЕАЭС и ОДКБ) благодаря богатому эмпирическому материалу, отражающему сложную противоречивость этих отношений (нарастание конфронтации между Казахстаном и Киргизией, охлаждение отношений между Казахстаном и Арменией, периодически возникающие трения между Россией и Белоруссией). В процессе исследования после проверки фактов может выясниться, что пик признания Запада (США, или организаций НАТО и ЕС) авторитетом среди постсоветских стран уже прошел¹⁶, но тенденция в целом еще сохранилась¹⁷.

СТРАТИФИКАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: В ПОИСКАХ ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙ ИДЕОЛОГИИ

Четырнадцать союзных республик по отношению к России к моменту распада Советского Союза можно, на наш взгляд, классифицировать следующим образом:

— *Первая группа*: прибалтийские республики, Грузия, Азербайджан, Молдова. Если взять за основу декларации о суверенитете (а герменевтический подход, анализ политических источников/текстов является необходимостью [Simonis, Elbers 2003: 127]), которые отражали настроения общества в этих республиках, то можно найти прямое указание на негативное восприятие роли царской и советской России в их истории¹⁸. Эти республики проявляли наибольшее желание выйти из состава СССР; они также были скептически настроены по отношению к СНГ (Эстония, Латвия, Литва, Грузия, Азербайджан) и имели претензии к рос-

¹⁶ Евросоюз и Азербайджан: полный разрыв или худой мир? (17 сентября, 2015 г.). URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150917/230335451.html> (дата обращения: 13.05.2017).

¹⁷ Глава МИД Белоруссии рассказал о «так называемом Союзном государстве» (11 декабря 2017 г.). URL: <https://eaily.com/ru/news/2017/12/11/glava-mid-belorussii-rasskazal-o-tak-nazyvaемом-soyuznom-gosudarstve> (дата обращения: 13.05.2017).

¹⁸ Акт о восстановлении государственной независимости Грузии (9 апреля 1991 г.). URL: [http://www.gorby.ru/userfiles/gruzia\(1\).pdf](http://www.gorby.ru/userfiles/gruzia(1).pdf) (дата обращения: 13.05.2017); Конституционный Акт Азербайджанской Республики о восстановлении независимости (18 октября 1991 г.). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2889 (дата обращения: 13.05.2017).

сийской политике относительно вспыхнувших на их территориях этнических конфликтов (Грузия, Молдова, отчасти Азербайджан).

— *Вторая группа*: Армения, Украина. В этих республиках были такие же сильные национальные движения и стремление к независимости, как и в республиках первой группы, однако без четкой антироссийской направленности. Во всяком случае, в преамбулах деклараций о суверенитете, в отличие от документов стран из первой группы, Россия и/или СССР не упоминаются¹⁹. При этом факт, что в последующие годы внешняя политика Армении и Украины эволюционировала диаметрально противоположным образом — в сторону сотрудничества с РФ в случае с Арменией и в сторону соперничества и конфронтации с РФ в случае с Украиной.

— *Третья группа*: Беларусь, Казахстан и страны Центральной Азии. Общества в этих республиках проявили относительно пассивное стремление к независимости. В декларациях о суверенитете России не отводится негативная историческая роль.

Впоследствии основой СНГ, ОДКБ и процесса евразийской интеграции под лидерством России стали некоторые государства из третьей группы плюс Армения из второй. Остальные постсоветские республики в большей или меньшей степени дистанцируются от этих процессов, меняя внешнюю политику лишь на тактическом уровне. Но и основные участники интеграционного процесса из третьей группы — Казахстан, Киргизия, Таджикистан, а также Армения, как отчасти уже было сказано выше, не проявляют устойчивого стремления подчиняться логике интеграции.

Россия на мировой арене подчеркивает опасность международного терроризма, который, по мнению российского руководства, является вызовом для всего мирового сообщества и призывает к сотрудничеству на этой основе. То же самое она делает на пространстве бывшего СССР. Однако хотя международный терроризм и является в большей или меньшей степени актуальной угрозой для большинства соседей России, необходимость борьбы с ним пока не стала фактором, способствующим консолидации постсоветских стран вокруг России. Чаще перевешивают разногласия между постсоветскими государствами по тем или иным вопросам двусторонних отношений. То же самое касается и экономической интеграции, о противоречивости которой было также сказано выше.

Кроме того, отсутствуют позитивные, объединяющие ценности для постсоветских государств, поскольку пока еще Россия не предложила какой-либо ценностной системы и новой идеологии для своих партнеров. Все они, включая ее саму, пока что находятся на идеологической орбите западного мира, признавая в качестве ориентира его типичный «набор ценностей», которые зафиксированы в документах Совета Европы и других местных объединений. Членство постсоветских республик в Совете Европы может носить и формальный характер, однако

---

¹⁹ Акт провозглашения независимости Украины. URL: <https://uateka.com/ru/article/society/1201> (дата обращения: 13.05.2017); Декларация о независимости Армении. URL: <http://www.gov.am/ru/independence/> (дата обращения: 13.05.2017).

уже сама такая формальность обуславливает ценностную (идеологическую) ориентацию указанных государств на западный мир в долгосрочной перспективе. Россия же не сформировалась в качестве альтернативного ценностного центра (или полюса). Если на Западе принято говорить о «трансатлантических ценностях», и политики разных западных стран призывают защищать эти ценности, то из уст действующих политических лидеров постсоветских государств не звучит риторика с призывом защищать какие-либо общие, к примеру «евразийские», ценности. Даже если кто-то сегодня огласит наличие таких ценностей и призовет к их защите, то этот призыв будет звучать весьма странно, с туманными перспективами на успех.

Единственный объединяющий идеологический проект Москвы, пожалуй, связан с историей Великой Отечественной войны. Во внешней политике России данная тематика находит свое отражение в уходе за братскими захоронениями за рубежом, в том числе и на пространстве бывшего СССР²⁰. Россия также подчеркивает победу над нацистско-фашистским блоком как общее достояние²¹. Однако то, насколько тематика Великой Отечественной войны как интеграционная идеология эффективна на практике, трудно оценить, хотя сбрасывать со счетов ее нельзя. В любом случае, такая политика Москвы наткнулась на противодействие в некоторых республиках — не без помощи извне²².

Шансы создать дееспособную альтернативную ценностную систему существуют, чему невольно способствует идеологически обусловленная политика Запада, претендующая на исключительность и универсальность. В этой идеологии содержатся догмы, которые чужды менталитету постсоветских народов — особенно усилившаяся на Западе тенденция легализовать однополые браки и навязывание своего видения толерантности и прав человека все больше усиливает потерю имиджа западного мира среди общественности на постсоветском пространстве²³. Россия, которая на официальном уровне проводит совершенно иную политику, в перспективе могла бы инструментализировать этот немаловажный аспект в своей внешней политике.

***

Противоречия и соперничество между отдельными государствами — бывшими советскими республиками, между друг другом и с Россией, относительная слабость (прежде всего экономическая и финансовая) России по сравнению

²⁰ Закон РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=11&nd=102020987 (дата обращения: 13.05.2017).

²¹ Победа, добытая единством. URL: <http://www.mfgs-sng.org/video/1890.html> (дата обращения: 13.05.2017).

²² В связи с проблематикой восприятия Великой Отечественной войны в республиках бывшего СССР см. издание РИСИ: Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС. М., 2015.

²³ We are losing hearts and minds in the former Soviet Empire, by Theodore P. Gerber and Jane Zavisca (“Newsweek”, on 8/2/2015). URL: <http://www.newsweek.com/we-are-losing-hearts-and-minds-former-soviet-empire-358989> (accessed: 13.05.2017).

с Западом вкупе с изложенными выше причинами замедляют интеграционные процессы под российским лидерством и препятствуют им. Утвердившийся в российском политическом лексиконе термин «ближнее зарубежье» в определенном смысле сыграл негативную роль в становлении России в качестве ценностного авторитета для бывших союзных республик, для которых Россия является таким же «ближним зарубежьем». Реальным авторитетом для постсоветских государств в смысле их ценностно-стратегической ориентации Россия, несмотря на имеющиеся у нее достаточно сильные политико-экономические рычаги принуждения, не стала, поскольку еще не сформулировала внятную ценностную систему. Этими обстоятельствами в значительной степени и обусловлены очевидные трудности евразийской интеграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.
- Курьяков К. П.* Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе. М.: РУДН, 2014.
- Angelow J.* Kalkül und Prestige. Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Köln: Habil.-Schrift. Böhlau Verlag, 2000.
- Deutsch K. W.* Die Analyse internationaler Beziehungen, Konzeptionen und Probleme der Friedensforschung. Frankfurt a. M.: Europäische Verlagsanstalt, 1968.
- Duchhardt H.* Grundmuster der internationalen Beziehungen in der Frühen und Späten Neuzeit // Strukturwandel Internationaler Beziehungen. Zum Verhältnis von Staat und internationalem System seit dem Westfälischen Frieden / ed. by J. Siegelberg, K. Schlichte. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2000. p.74—85.
- Heinze E.* Einführung in die Welt-System Analyse von Immanuel Wallerstein. Bremen, 2009. URL: <https://neuesozioologie.files.wordpress.com/2011/01/einfc3bchrung-in-die-welt-system-analyse-von-immanuel-wallerstein.pdf> (accessed: 13.06.17).
- Herz J. J.* Staatenwelt und Weltpolitik. Aufsätze zur Internationalen Politik im Nuklearzeitalter. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1974.
- Hütter J.* Einführung in die internationale Politik. Stuttgart: Kohlhammer, 1976.
- Krell G.* Weltbilder und Weltordnung — Einführung in die Theorie der Internationalen Beziehungen. Baden-Baden: Nomos, 2000.
- Krippendorf E.* Ist Aussenpolitik Aussenpolitik? // Internationale Beziehungen. Köln-Gütersloh: Kiepenheuer & Witsch, 1973. p. 189—213.
- Lake D.* Hierarchy in International Relations: Authority, Sovereignty, and the New Structure of World Politics. University of California, San Diego. 2004. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/5a9e/eb441ba5b9ac2d1de5674064b488eff4772d.pdf> (accessed: 13.06.17).
- Meinecke F.* Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. München/Berlin: Oldenbourg, 1929.
- Nohlen D.* Lexikon der Politik. Bd. 2. Berlin: Beck, 2003.
- Prittwitz V.* Politikanalyse. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1994.
- Schmitt C.* Der Begriff des Politischen. Berlin: Duncker & Humbold, 1963.
- Seifert A.-Cl.* Konflikte und Werte-Pluralität in unserer Welt // Dokumentation zum Zweiten Strausberger Symposium, 1996. p. 243—250.
- Simonis G. & Elbers H.* Studium und Arbeitstechniken der Politikwissenschaft. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2003.
- Wallerstein I.* Das moderne Weltssystem I — kapitalistische Landwirtschaft und die Entstehung der europäischen Weltwirtschaft im 16. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Promedia, 1986.

Wolf R. Partnerschaft oder Rivalität? Sicherheitsbeziehungen zwischen Siegermächten im Lichte von Theorien internationaler Politik. Baden-Baden: Nomos-Verl.-Ges., 2001.

Woyke W. (Hrsg.). Handwörterbuch Internationale Politik. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2000.

Дата поступления статьи: 1.12.2017

Для цитирования: Рцхиладзе Г.В. Фактор внешнего авторитета для «малых» государств и интеграция на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 33—48. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-33-48.

Сведения об авторе: Рцхиладзе Гулбаат Викторович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Тбилисского открытого учебного университета, основатель НПО «Институт Евразии» (e-mail: politforumi@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-33-48

FACTOR OF EXTERNAL AUTHORITY FOR SMALL STATES AND INTEGRATION IN THE POST-SOVIET SPACE

G. Rtskhaladze

Tbilisi Open University, Tbilisi, Georgia

Abstract. The search for foreign policy guidelines for the newly independent states that emerged as a result of the collapse of the USSR, is closely linked to the recognition on their part of certain norms, values and attitudes as benchmarks in the international arena. In addition, the foreign policy orientation of a state that has gained independence implies its strategic orientation to individual states or a union of states that are its authority.

This article considers the main cause-effect manifestations of this factor with reference to “transitional” post-Soviet states in the context of Russia’s integration initiatives. The article states the fact that Russia is striving to implement integration projects in the post-Soviet space, but there are barriers on this path that are caused by Russia’s objective (primarily economic) relative weakness in comparison with the cumulative West. However, there is another, very strong reason for the problematic integration under Russia’s leadership—the lack of a value system and ideological attraction in post-communist Russia, unlike the West, which has long understood itself as a single value system. This factor, in turn, hinders the strengthening of Russia’s image, which, despite its strong political and economic leverage, does not become a foreign policy authority for other post-Soviet states. Consequently, integration and cooperation within the structures dominated by Russia (CIS, CSTO, EAEC) has significant flaws, the spirit of partnership is often dominated by the rivalry and self-interest of individual state actors that perceive national interests in their own way; there is no ideological basis for cohesion and solidarity between these states-actors.

Russia lacks not only pronounced positive value points that are attractive to its neighbors, but it also can’t justify the existence of a common external enemy or common challenges. Without this factor, the strength of alliances under the leadership of Russia becomes more problematic.

Key words: image, authority, Eurasian integration, post-soviet, CIS, values, ideology, alliances, solidarity between states, leadership, Russia, West

REFERENCES

- Angelow, J. (2000). *Kalkül und Prestige. Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges*. Köln: Habil.-Schrift. Böhlau Verlag.
- Deutsch, K. W. (1968). *Die Analyse internationaler Beziehungen, Konzeptionen und Probleme der Friedensforschung*. Frankfurt am Mein: Europäische Verlagsanstalt.
- Duchhardt, H. (2000). Grundmuster der internationalen Beziehungen in der Frühen und Späten Neuzeit. In: *Strukturwandel Internationaler Beziehungen. Zum Verhältnis von Staat und internationalem System seit dem Westfälischen Frieden*. Ed. by J. Siegelberg, K. Schlichte. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 74—85.
- Heinze, E. (2009). *Einführung in die Welt-System Analyse von Immanuel Wallerstein*. Bremen, 2009. URL: <https://neuesoziologie.files.wordpress.com/2011/01/einf3bchrung-in-die-welt-system-analyse-von-immanuel-wallerstein.pdf> (accessed: 13.06.17).
- Herz, J. J. (1974). *Staatenwelt und Weltpolitik. Aufsätze zur Internationalen Politik im Nuklearzeitalter*. Hamburg: Hoffmann und Campe.
- Hütter, J. (1976). *Einführung in die internationale Politik*. Stuttgart: Kohlhammer.
- Kissinger, H. (1997). *Diplomacy*. Moscow, Lodomir. (Russian Edit.).
- Krippendorf, E. (1973). Ist Aussenpolitik Aussenpolitik? In: *Internationale Beziehungen*. Köln-Gütersloh: Kiepenheuer & Witsch, p. 189—213.
- Kurylev, K. (2014). *Foreign policy of Ukraine in the context of the formation of a regional security system in Europe*. Moscow, RUDN University. (In Russ.).
- Krell, G. (2000). *Weltbilder und Weltordnung — Einführung in die Theorie der Internationalen Beziehungen*. Baden-Baden: Nomos.
- Lake, D. (2004). *Hierarchy in International Relations: Authority, Sovereignty, and the New Structure of World Politics*. University of California, San Diego. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/5a9e/eb441ba5b9ac2d1de5674064b488eff4772d.pdf> (accessed: 13.06.17).
- Meinecke, F. (1929). *Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte*. München/Berlin: Oldenbourg.
- Nohlen, D. (2003). *Lexikon der Politik*. Bd. 2. Berlin: Beck.
- Prittitz, V. (1994). *Politikanalyse*. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1994.
- Schmitt, C. (1963). *Der Begriff des Politischen*. Berlin: Duncker & Humbold.
- Seifert, A.-Cl. (1996). Konflikte und Werte-Pluralität in unserer Welt. In: *Dokumentation zum Zweiten Strausberger Symposium*, p. 243—250.
- Simonis, G. & Elbers, H. (2003). *Studium und Arbeitstechniken der Politikwissenschaft*. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Wallerstein, I. (1986). *Das moderne Weltsystem I — kapitalistische Landwirtschaft und die Entstehung der europäischen Weltwirtschaft im 16. Jahrhundert*. Frankfurt am Main: Promedia.
- Wolf, R. (2001). *Partnerschaft oder Rivalität? Sicherheitsbeziehungen zwischen Siegermächten im Lichte von Theorien internationaler Politik*. Baden-Baden: Nomos-Verl.-Ges.
- Woyke, W. (Hrsg.). (2000). *Handwörterbuch Internationale Politik*. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

Received: 1.12.2017

For citations: Rtskhaladze, G. (2018). Factor of external authority for small states and integration in the Post-Soviet space. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(1), 33—48. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-33-48.

About the author: *Rtskhaladze Gulbaat Viktorovich* — PhD in Political Sciences, Senior Researcher of the Tbilisi Open University, Founder of the NGO “Institute of Eurasia” (e-mail: politforumi@gmail.com).

© Рцхиладзе Г.В., 2018